

Глава 11. Лекарство

В тот год мне сказали:

— Путь заключается в недеянии. Совершенствуй дух, очищай сердце, отринь славу и корысть. Не давай желаниям искутить тебя, и тогда недуги отступят, а чувства утихнут. Твой дар велик, но, увы, ты слишком привязан к земному. Тебе не совладать с семью страстями и шестью желаниями, и этот рок погубит тебя. С такой ношей не стать бессмертным.

Нелепость.

Разве может чьё-то пустословие оборвать мечту о небесных чертогах?

Стойко снося ярость ветров и ледяную стужу, я восседал на пике Яоцзи, наблюдая, как внизу меняется мир. Я замирал в глубоком созерцании, пока мысль моя не обрела истинную свободу.

Умерло сердце мирянина, истлело пламя желаний.

Родилась изначальная энергия — Ци.

С тех пор веки мои были опущены, а дыхание — ровным.

Тысячу лет я ковал свою душу в безмолвии и чистоте.

Но я и помыслить не мог, что тысячелетний путь приведёт меня к этому.

Насмешки бессмертных, презрение демонов... Теперь даже простой смертный мог легко подчинить меня и подвергнуть унижению.

Боль, выжженная внутри. Плоть, разрывая которую, кто-то жадно вгрызался в мою жизнь. Омерзительные звуки, мутная белизна, смешанная с багрянцем — запах крови преследовал меня.

Жар пылающего огня. Бездна отчаяния.

Прекрасная, тихая картина мира разлетелась вдребезги. Улыбка того, кому я верил, в мгновение ока превратилась в оскал чудовища.

Искренняя робость и слёзы обратились в ничто.

Онемевшее от боли тело чувствовало лишь бесконечные, сокрушительные удары. Словно он хотел навсегда замуровать этот кошмар внутри меня, заклеить грехом, из-под гнёта которого не выбраться вечно.

Сплетённые тела в огне лихорадки. Обжигающие капли пота.

Он впивался в мою нижнюю губу, пока не выступила кровь.

Я закрыл глаза. Я не хотел больше видеть его лица.

Лишь в ушах набатом бился отчётливый шёпот:

— Лянь...

Чьё имя он звал с таким надрывом?

Моё?

Но я — никто.

И я больше не хочу никем быть.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я пришёл в себя.

Глядя на знакомые стены комнаты, я отчаянно надеялся, что всё это лишь затянувшийся кошмар.

Но невыносимая мука в теле не давала обмануться. Там, где боль была постыднее всего, она жгла так сильно, что на лбу выступал холодный пот.

Я не мог даже пошевелить рукой.

От подушки исходил тонкий аромат древесины, и этот запах застилал мне взор туманом.

Вдруг послышались тихие шаги. Кто-то вошёл.

Меня затрясло.

Даже лёжа к нему спиной, я не мог подавить ужас. Пальцы похолодели, я мёртвой хваткой вцепился в простыню.

Он приблизился — медленно, осторожно. Протянул руку, желая коснуться моего лба.

Увидев эти длинные пальцы, я вспомнил, с какой беспощадной силой они сжимали меня ночью. Меня передернуло. Я резко взмахнул рукой, отбиваясь:

— Не трогай меня!

От резкого движения боль вспыхнула с новой силой. Стиснув зубы, я забился в угол кровати и с головой накрылся одеялом.

Это было глупо и бесполезно, но так я хотя бы мог его не видеть.

Однако он не ушёл.

Прошло около четверти часа. Мо Чэ стоял совсем рядом — неподвижный, безмолвный.

Страх постепенно перерос в ярость. Я сорвал с себя душное одеяло. Мо Чэ смотрел на меня. Забыв о боли, я вскинулся и влепил ему пощёчину.

А после — слёзы хлынули из глаз неудержимым потоком.

Его голова дернулась в сторону. Я ударил наотмашь, и на его бледной щеке мгновенно проступили багровые следы от пальцев. Он медленно повернулся и снова потянулся к моему лбу.

— Убирайся! — я замахнулся для второго удара, но тело подвело. Я повалился назад, едва не рухнув на пол. Он тут же бросился ко мне, пытаясь подхватить, но я упёрся руками ему в грудь. — Прочь! Уходи! Видеть тебя не желаю!

В голове всё помутилось. Боль была такой неистовой, что я сорвался на рыдания — горькие, надрывные, совершенно лишившись остатков гордости.

На его красивом лице остались следы моих ногтей, но Мо Чэ даже не рассердился. Он подхватил меня на руки и перенёс на кровать. Я метался и сопротивлялся, хотя причинял боль лишь самому себе.

Он уложил меня на подушки с предельной осторожностью. Проверил температуру, коснувшись лба, нахмурился и вышел. Вскоре он вернулся, неся чашу с тёмным отваром.

Увидев это тёмно-коричневое варево и почувствовав знакомый резкий запах, я почувствовал, как внутри закипает гнев. В порыве ярости я выбил чашу из его рук.

Лекарство расплескалось по полу. Густой, тошнотворный дух ударил в нос, вызывая рвотные позывы.

Превозмогая боль, я приподнялся и вцепился в воротник Мо Чэ, глядя ему прямо в глаза:

— Когда Цинь Хуань испытывал меня айром, я молчал. Но сейчас-то зачем ты притащил эту горькую дрянь для изгнания демонов?! Решил отравить меня окончательно?!

Мо Чэ почти не изменился в лице, лишь едва шевельнул губами:

— Ты не демон.

Я горько усмехнулся, глядя на пятно на полу:

— Тогда что это?

Он посмотрел мне в глаза и серьёзно ответил:

— Лекарство.

— Лекарство? — я бессильно опустил голову, чувствуя, как сердце сжимается от обиды. — Ты и вправду считаешь меня круглым дураком? Я ведь всё понимаю. Почему ты, великий Первый глава, притащил в крепость какого-то безродного бродягу? Чтобы помочь найти человека? Какая нелепая ложь...

Я говорил словно сам с собой:

— Если бы Ху Лай не увидел, как Попо упала в обморок, если бы он не заподозрил меня... ты бы никогда не взял меня на гору. Ты боялся, что я наврежу старушке. А потом заставил Цинь Хуаня кормить меня айром, чтобы проверить, не нечисть ли я...

Я холодно вскинул голову:

— Да, айр изгоняет зло. Но ты хоть раз подумал, что будет с человеком, если дать ему такую дозу? Он может впасть в беспамятство, забиться в судорогах или просто умереть!

Мо Чэ молчал, не отводя взгляда.

Люди мнительны, я это знал.

Будь я хоть самым никчёмным цветочным духом, неужели я бы не распознал, что подмешивает мне в еду Цинь Хуань?

Даже лишившись сил, я сохранил разум. Понимая, что творится в головах у смертных, я дважды послушно съел это средство — просто чтобы обитатели крепости Байхуэй успокоились.

Между людьми не бывает полного доверия, а уж к чужаку — и подавно.

Оправдания лишь разжигают подозрения. Проще дать им доказательство, которое они готовы принять.

Это глупый путь, но самый верный.

Я понимал, что без магии моё тело едва ли выдержит такие дозы аира. Вспоминая об этом, я лишь горько покачал головой. А глядя на него, чувствовал, как внутри всё переворачивается.

Я не хотел судить его, но он мне не верил.

Мо Чэ привел меня в свой дом, потому что боялся, что я оборотень. Он сторожил меня днём и уходил на разведку ночью, опасаясь моей "тёмной силы".

И он никогда не садился со мной за один стол.

Я давно всё это знал. Просто не хотел говорить.

Ведь стоит произнести правду вслух, как прекрасная иллюзия рассыпается, обнажая уродливую маску лжи.

— У меня ничего не получается. Бессмертные смеются надо мной, демоны презирают, а вы... вы все обманывали меня, прячась за масками. И в конце концов... так унизили.

Я смотрел на него, и боль в груди была острее, чем раны на теле.

— На самом деле... Лянь...

— Замолчи! — я оборвал его на полуслове, словно перегородив бурный поток. Мой голос дрожал от ярости. — Я не хочу больше слышать ни единого твоего слова! Никогда!

Лицо Мо Чэ наконец дрогнуло.

В глубине его глаз, подернутых влагой, застыло отчаяние. Он тяжело опустил веки, длинные ресницы мелко подрагивали. Он до крови закусил губу.

Его кулаки сжались. Из-под повязки на запястье медленно просочилась кровь, расплываясь ярким пятном.

Он действительно замолчал.

Я схватил масляную лампу со стола и швырнул в него:

— Вон отсюда!

Он не шелохнулся.

— Ах да, это же твой дом. Значит, убираться должен я, — я нахмурился и, преодолевая слабость, попытался встать.

Он перехватил меня за руку и вышел из комнаты.

В пустом дверном проеме гулял ветер. На улице было ясно и светло, но я не чувствовал тепла.

Звук его удаляющихся шагов отозвался в сердце тягостной пустотой.

Я бессильно опустился на край кровати. Раны ныли, одежда пропиталась потом, а пальцы побелели от напряжения.

«Почему... почему я так злюсь?» — спросил я себя.

В дверях снова кто-то появился. На этот раз не Мо Чэ, а Ху Лай. С самым безмятежным видом он присел на корточки и принялся собирать осколки чаши.

— Ох-хо-хо, беда, — сокрушённо вздохнул он. — Какое добро пропало. Столько сил ушло на это зелье: и для успокоения, и для крови, и чтобы жар снять... А его — вдребезги.

Я недовольно отозвался:

— Чего его жалеть? Разбилось и ладно. Ты всё равно его не склеишь.

— Склеить-то не склею, — Ху Лай отложил осколки и, поглаживая бородку, прищурился. — Мне жаль того, кто у печи три часа стоял, не отходя ни на шаг. Воду подливал, за огнём следил, чтобы не пригорело... А его даже не пригубили. Лучше бы уж дрова в печке этим отваром тушили.

Поняв, к чему он клонит, я холодно отрезал:

— У Второго главы есть ко мне дело? Если нет, я хочу отдохнуть.

Ху Лай не перестал улыбаться, его глаза превратились в узкие щелочки.

— Дело есть, и преважное.

— Какое же? — его ухмылка мне крайне не нравилась.

Он наклонился к самому моему уху и заговорщически прошептал:

— Пришёл я, мил человек, сватать тебя за нашего Угрюмца.

— Что?! — я едва не задохнулся от возмущения. — Что за чушь ты несёшь?

Ху Лай пригладил бороду и многозначительно поиграл бровями:

— Вчера наш Чёрный котелок притащил тебя ко мне, бледного как мел, напуганный до смерти. На вопросы не отвечал, сидел рядом, смотрел так, будто весь мир на его глазах рухнул. Потом на руках унёс, дрожал над каждым твоим вздохом. Я за него беспокоился, вот и подслушал сейчас ваш разговор.

Я лишь гневно сверкнул глазами.

— И надо же, какая удача! — продолжал Ху Лай. — Оказывается, нашему парню подфартило — в жёны заполучил целого бессмертного! Кто бы мог подумать, что он у нас такой пряткий: раз — и дело в шляпе, состряпал «сырой рис», так сказать.

От его слов мне захотелось немедленно съездить ему по лицу.

Вдруг лицо Ху Лая стало серьезным. Он посмотрел в окно и заговорил тише, будто обращаясь к самому себе:

— Знаешь, а ведь Мо Чэ — человек тяжелый. Когда я увидел его впервые, он был настоящим немым.

«Немым?» — я вспомнил слова Хун Сяна. Тот тоже называл его немым.

— Любопытно? — Ху Лай лукаво глянул на меня.

Я отвернулся, делая вид, что мне всё равно. Но Ху Лай замолчал. Подождав немного и поняв, что продолжать он не собирается, я не выдержал:

— Ну? И что дальше?

Ху Лай, как кот, почувявший сметану, довольно потер подбородок:

— Дальше? А дальше...

— Что дальше?!

— А ничего.

Я почувствовал, как внутри вскипает настоящая ярость. Увидев, что я действительно на пределе, Ху Лай всё же заговорил:

— Ладно, не кипятись. Мой старший брат, Мо Цяньшань, нашёл его много лет назад, когда спускался с гор после охоты на демонов. Мы тогда грешным делом подумали, что брат втайне сына нагулял. Ему было лет семь-восемь. Тощий, чумазый — будто его только что из угольной ямы вытащили. Брат потом рассказал: местные жители решили принести мальчишку в жертву демону. Когда его спасли, он просто увязался за братом. Тот не смог бросить сироту и забрал в школу Умин.

Я слышал, что сильные демоны иногда питаются плотью детей, чтобы сохранить молодость. Неужели Мо Чэ прошел через это?

— Только потом выяснилось, что парень не говорит. Брат осмотрел его и понял: те люди, испугавшись, что плач ребенка разозлит демона, отравили мальчишку, чтобы он замолчал навсегда.

— Отравили?! — я в ужасе поднял голову.

Ху Лай кивнул:

— Десять лет ушло на то, чтобы вернуть ему голос. Но он так и не полюбил разговоры. Предпочитает молчать...

— Молчать? — я засомневался. — Но со мной-то он говорит.

Ху Лай посмотрел на меня так, что у меня перехватило дыхание:

— Потому что это ты. С другими он едва парой слов перекинется.

Сердце пропустило удар.

Внезапно Ху Лай посерьезнел, положил руку мне на плечо и проговорил искренне:

— Сяо Байлянь, прошу тебя, заведи свои слова назад. Наш Угрюмец готов говорить только с тобой. Если и ты заставишь его замолчать... он снова превратится в немого.

От его слов в груди заныло, но перед глазами тут же всплыло лицо Мо Чэ в ту страшную ночь. Я подавил нахлынувшую жалость.

— Да мне-то что! Не будет со мной говорить — не умрёт, жил же как-то раньше. Не хочу я к нему лезть, а то снова вцепится в меня, а мне потом страдай!

Ху Лай хитро улыбнулся:

— Вот поэтому я и пришёл свататься. Раз уж ты всё равно застрял в мире смертных и на небо пока не собираешься, почему бы не позволить хорошему человеку о тебе заботиться? — он легонько подтолкнул меня локтем. — К тому же, между вами уже всё было... Посмотри на нашего Чэ: собой хорош, характер надёжный, а главное — он тебя любит. Чего тут думать? Если сейчас не приберешь его к рукам, другого шанса не будет. Давай, не ломайся, как девица, — решено!

Я застыл, ошарашенный его напором. В голове крутилась только одна фраза.

«Он тебя любит».

К щекам прилил жар. Я сидел неподвижно, даже не заметив, как Ху Лай ускользнул из комнаты.

Прошло часа два. Знакомый силуэт снова возник в дверях. Мо Чэ вошёл тихо, почти не дыша. В руках он опять держал чашу с темным отваром. Тот же запах, тот же горький вкус.

Он протянул лекарство мне.

Я нахмурился и замахнулся рукой.

Он лишь слегка повернул голову, словно ожидая удара или того, что чаша снова полетит на пол.

Я поправил волосы и гневно уставился на него:

— И кто же меня до такого состояния довёл, а? И после этого у тебя совести хватает требовать, чтобы я сам пил эту гадость?

Он замер на мгновение, потом взял ложку, осторожно подул на неё и поднёс к моим губам.

Боги, какая же это была дрянь.

Когда с лекарством было покончено, он присел передо мной и бережно вытер мне губы.

Глядя на его сосредоточенное лицо, я проворчал:

— Горько так, что умереть можно. Дурак ты, Мо Чэ!

Он закусил губу, лицо его оставалось бесстрастным, но в уголках глаз на мгновение вспыхнула робкая, почти детская радость.

<http://bllate.org/book/17534/1701992>